

СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

**Кабарда в политике А.П. Ермолова на Кавказе:
значение и особенности**

Амиран Тариелович Урушадзе

Институт социально-экономических и гуманитарных исследований Южного научно-го центра РАН, Россия
344006, Ростов-на-Дону, пр. Чехова, 41
Младший научный сотрудник
E-mail: urushadze@ssc-ras.ru

Аннотация. В статье рассматривается место Кабарды в политике А.П. Ермолова на Кавказе. Выявляются методы проводимой политики, ее особенности и результаты.

Ключевые слова: Кавказ, Кабарда, А.П. Ермолов.

УДК 94
(470.6)

Личность А.П. Ермолова и его деятельность на Кавказе были, есть и вероятнее всего будут в фокусе внимания историков-кавказоведов. Это объясняется несколькими причинами. Во-первых, А.П. Ермолов часто воспринимается в качестве символа подчинения Кавказа русскому оружию («знаком власти» по терминологии Э. Саида). Во-вторых, что не менее важно, «проконсул Кавказа» оставил скорбную память в историческом сознании кавказских народов. Очевидно, что образу А.П. Ермолова будут сопутствовать как положительные, так и негативные коннотации. В силу этих обстоятельств, несмотря на наличие обширной как научной, так публицистической литературы, посвященной историческому деятелю, отечественные исследователи с завидной регулярностью возвращаются к теме «Ермолов на Кавказе».

В отечественной историографии кавказская политика А.П. Ермолова преимущественно рассматривается в рамках всего региона, в этом смысле монография Ш.А. Гапурова [1], пожалуй, является исключением из общего правила. Такой взгляд, безусловно, придает необходимую объемность формулируемым суждениям, но в то же время представляется вполне обоснованным анализ ермоловской политики на уровне кавказских «субрегионов», одним из которых являлась Кабарда. Учитывая давно сложившиеся к тому времени связи кабардинской аристократической элиты с российскими властями, а также центральное положение, занимаемое Кабардой на Кавказе, что определяло особый статус этой территории для системы имперских укреплений, обеспечивающей безопасность коммуникаций, можно предположить, что и политика в отношении Кабарды и ее населения имела самобытные черты.

В данной работе мы попытаемся выяснить, какое место занимала Кабарда в политике знаменитого кавказского «главноуправляющего».

Прежде всего отметим, что для А.П. Ермолова судьба Кавказа была предрешена: по его мнению, этот край должен был стать неотъемлемой и неотделимой частью Российской империи. «Проконсул Кавказа» был поборником постепенного внедрения на Кавказе новых административно-судебных учреждений, которые способствовали бы «наведению порядка». При этом именно в Кабарде новые учреждения вводились наиболее последовательно и раньше, чем на других территориях (за исключением Восточной Грузии). Этой традиции следовал и А.П. Ермолов.

Именно в Кабарде раньше других кавказских «субрегионов» была введена приставская система управления. Должность кабардинского пристава в 1769 г. занял Д.В. Таганов, получивший воспитание и образование в Петербурге и принявший там крещение [2]. По вступлении в должность Д.В. Таганова снабдили специальной инструкцией [3], в которой были определены основные полномочия и направления деятельности кабардинского пристава. В функции пристава входило «наблюдение за кабардинскими князьями», которые должны были согласовывать с ним свои действия. Однако, после ряда антиимперских выступлений в конце 80-х – начале 90-х гг. XVIII столетия, поиск оптимальной модели управления Кабардой продолжился.

В 1804 г. П.Д. Цицианов в рапорте императору Александру I от 23 марта 1804 г., касаясь положения в Кабарде, предлагал преобразовать должность местного пристава в должность начальника. Кроме того, заменить наименование «Кабардинский народ» на «Кабардинскую область» так как, по его мнению, название кабардинский народ «само собою напоминает им (кабардинцам – А.У.), что оный есть как будто отдельное тело от Российской империи...» [4].

А.П. Ермолов воспринимал себя продолжателем дела П.Д. Цицианова. Ему удалось воплотить в жизнь часть намерений П.Д. Цицианова в отношении Кабарды. Так, в 1820 г. с образованием Управления Кабардинской линии была введена должность начальника, который одновременно являлся командующим указанной линии.

Для сравнения отметим, что для «мирных» обществ Чечни и Ингушетии пристав был назначен только в 1818 г. В Дагестане имперская администрация долгое время и вовсе ограничивалась сменой враждебно настроенных ханов, беков и кадиев на более лояльных представителей властно-религиозной элиты.

Показательно, что А.П. Ермолов, как и П.Д. Цицианов, именно в ханствах видел главную угрозу «прочному развитию гражданственности в крае». В одном из писем к М.С. Воронцову (Кавказскому наместнику в 1844–1854 гг.) А.П. Ермолов отмечал: «Терзают меня ханства, стыдящие нас своим бытием. Управление ханами есть изображение первоначального состояния обществ. Вот образец всего нелепого, злодейского самовластия и всех распутств, уничижающих человечество» [5]. Тем не менее, революционных изменений в управлении ханствами при А.П. Ермолове не произошло. Владетели были поставлены под контроль военных чиновников, а некоторые административно-территориальные единицы подверглись укрупнению [6].

Кроме введения новых административных учреждений, имперские власти модернизировали в крае систему судопроизводства. И в этом случае Кабарда вновь стала своеобразным «испытательным полигоном». Еще в 1793 г. здесь были учреждены так называемые «родовые суды» и «расправы», которые непосредственно подчинялись моздокскому коменданту и учрежденному здесь в это же время Верхнему пограничному суду [7]. Затем в 1807 г. в Кабарде были учреждены духовные суды – мехкеме. А.П. Ермолов продолжил судебное реформирование Кабарды и в 1822 г. в прокламации к кабардинскому народу извещал население об учреждении Временного кабардинского суда. Шесть лет спустя, в 1828 г., по аналогии с Временным кабардинским судом, для осетин и ингушей был учрежден Владикавказский инородный суд. В том же году новый судебный орган был введен и в Чечне.

Введение новой судебно-административной системы сопровождалось, кроме всего прочего, существенным ограничением свободы передвижения кабардинцев. Населению Кабарды было запрещено отлучаться куда-либо без «письменных видов». «На случай же необходимости в отлучке, - отмечает Н.Ф. Грабовский – они (кабардинцы – А.У.) должны были получать печатные билеты: для поездки внутрь линии – от временного суда, за Кубань и в горы – от начальника в Кабарде, а при отъезде в дальние места России – от начальника Кавказской линии» [8].

Естественно, что подобные меры вызвали негативную реакцию кабардинцев, особенно в рядах аристократии, многие представители которой встали на путь последовательного сопротивления имперским устремлениям на Кавказе.

Очевидно, что Кабарда в кавказской политике А.П. Ермолова выступала в роли «авангарда» вводимых в крае судебно-административных преобразований. Именно на ее территорию первоначально распространялось действие новых инстанций, которые впоследствии вводились и на земли сопредельных народов. В то же время методы, которые использовала имперская администрация при введении и утверждении новых институтов, правил, распоряжений, в Кабарде не отличались от методов, практиковавшихся в отношении иных территорий Северного Кавказа.

А.П. Ермолов в своих действиях нередко опирался на кабардинскую знать, представители которой находились на российской службе. Традиция службы адыгов в армии российского государства берет свое начало еще с середины XVI в. Среди кабардинцев в конце XVIII – первой четверти XIX вв. большой авторитет имел К.Д. Джанхотов, происходившей из знатного княжеского рода Бекмурзиных. В 1787–1788 гг. К.Д. Джанхотов участвовал в экспедиции кабардинцев под командованием бригадира Горича в Закубанье против турок и крымского войска. К.Д. Джанхотов принимал активное участие в деятельности новых судебно-административных органов в Кабарде. В 1796 г. он был произведен в подполковники «за отличное усердие при учреждении Родовых судов», а в 1822-1830 гг. являлся председателем Кабардинского временного суда [9]. Кроме официальных должностей К.Д. Джанхотов исполнял роль посредника между А.П. Ермоловым и кабардинцами. На кабардинского князя русский генерал нередко возлагал обязанности герольда, который должен был оглашать решения «проконсула Кавказа» «всем прочим князьям, узденям и народу Кабардинскому» [10]. Это являлось одним из следствий общего упадка значения горской знати в конце XVIII-начале XIX вв., происходившего на фоне инкорпорации Кавказа в состав Российской империи. А.П. Ермолов слабо прислушивался к мнению К.Д. Джанхотова, когда тот позволял себе критические замечания в адрес главноуправляющего. Это особенно показательно на примере истории «наказания Трамова аула». К.Д. Джанхотов выразил свое недоумение суровой карательной акцией имперской администрации, проведенной в отношении жителей кабардинского поселения. Однако на А.П. Ермолова это не имело никакого воздействия. В ответном письме «проконсул Кавказа» не преминул возможностью «устыдить» кабардинского князя за служебную нерадивость: «Трамов аул наказал я как притон разбойников и не имел причины уведомлять вас о том, ибо если вы удовлетворяли за некоторые грабежи и похищения, никогда однако же посредством вашим не выдан ни один мошенник к наказанию и, конечно, не от того, чтобы в них был недостаток, когда и между хорошими и известными фамилиями таковые находятся» [11]. Несмотря на то, что кабардинцы имели давние политические связи с российским государством, для них не делалось исключения, когда речь заходила «о необходимости» проведения карательных акций.

А.П. Ермолов, следуя своей тактике прочного присвоения территории проживания кавказских народов, не ограничивался разовыми военными экспедициями, но активно сооружал новые укрепленные линии, разделяя или переселяя автохтонное население. Новая Кабардинская укрепленная линия, сооруженная при А.П. Ермолове в 1822 г., подходила к подошве Черных гор. Аулы местных жителей были пересе-

лены на плоскость. В письме к М.С. Воронцову А.П. Ермолов не без гордости отмечал: «В 1822 году целое население Кабарды сведено с гор и поселено на плоскости. У самого подножия гор устроена цепь крепостей, пресекающих все арбенные дороги» [12]. Одной из задач новой кордонной линии было воспрепятствовать естественным связям кабардинцев с закубанскими горцами. В представлении А.П. Ермолова главным содержанием этих связей являлось «подстрекательство к мятежам». Населению Кабарды, насильственно переселенному, было трудно адаптироваться к изменившимся условиям жизнедеятельности. В «Описании Кабарды 1827 года» отмечается: «Народ и по сие время привержен к своим прежним местам и неоднократно настаивали просьбами, из главного начальства о дозволении переселиться им на оные...» [13]. Эти просьбы остались без удовлетворения. Как видно из переписки А.П. Ермолова с М.С. Воронцовым, «проконсул Кавказа» придавал огромное значение задаче переселения кабардинцев: «Мне надобно было усадить на плоскости кабардинцев и отнять убежище в горах» [14]. Ввиду произошедших событий, 1822 г. в новейших исследованиях обозначается как время завершения завоевания Кабарды [15]. К уже приводимой в историографии аргументации данного положения добавим, что после насильственного переселения кабардинцы оказались совершенно беззащитны перед экзекуциями российских войск. В таких условиях решиться на открытое выступление против империи было невозможно. Сам А.П. Ермолов в этой связи отмечал: «Да если бы и могла она (Кабарда – А.У.) возмутиться, то ее задавить возможно, и жены, дети и имущество от нас укрыться не могут» [16].

В политике А.П. Ермолова в Кабарде важную роль играли экономические факторы давления на местное население. Так, А.П. Ермоловым была ужесточена таможенная политика в регионе [17]. Кроме того, имперская администрация монополизировала торговлю солью, в результате чего кабардинцы были вынуждены обменивать свои товары на соль при меновых дворах, что обходилось им значительно дороже, чем при свободном обмене с русскими крестьянами-переселенцами. Отсутствие соляных месторождений в горах, жизненная важность этого продукта обусловила его значение в торговом обмене горцев с русскими. Понимая роль соли в хозяйстве народов Северного Кавказа, монополизировав и регламентировав ее продажу, российские власти получили дополнительный ресурс давления на горцев [18]. Кабардинские князья несколько раз обращались к А.П. Ермолову с просьбой уменьшить цену соли, но всегда получали отказ: «Цену соли уменьшить не могу» [19].

Резюмируя вышесказанное, подведем итоги. Кабарда в политике А.П. Ермолова занимала ключевое место территории, в рамках которой опробовались на практике различные судебные-административные нововведения, распространявшиеся затем в Карачае, Осетии, Чечне. Основной причиной такого принципа внедрения на Северном Кавказе имперских институтов управления и правосудия следует считать давнее «знакомство» России с Кабардой, устоявшиеся связи правящих элит. Благодаря этому российские военные и гражданские чиновники имели гораздо больше сведений о Кабарде и кабардинцах, чем о любом другом из северокавказских народов. Весьма примечательны такие слова А.П. Ермолова: «Кабарда есть та земля, которую знаю я в большей подробности» [20].

Вместе с тем, введение новых учреждений в Кабарде сопровождалось мерами репрессивного характера, которые, зачастую, именно здесь практиковались «проконсулом Кавказа» с наибольшей последовательностью и систематичностью.

Опыт, приобретенный российской администрацией в Кабарде, находил свое дальнейшее применение в различных областях Кавказа и на более поздних этапах инкорпорации региона в пространство империи.

Примечания:

1. Гапуров Ш.А. Чечня и Ермолов (1816-1827 гг.). Грозный, 2006.
2. Потто В.А. Кавказская война. Т. II. Ставрополь, 1994. С. 60.

3. Архив Кабардино-Балкарского института гуманитарных исследований. Ф. 1. Оп. 1. Д. 39.
4. Акты Кавказской археографической комиссии (далее - АКАК). Т. II. Тифлис, 1868. С. 953.
5. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. СПб, 2011. С. 37.
6. Лисицына Г.Г. Административная деятельность генерала А.П. Ермолова на Кавказе // Генерал А.П. Ермолов и российско-кавказские отношения в XIX – начале XX века. СПб, 2009. С. 43.
7. Из истории Кабардинского временного суда 1822-1858 гг. Пятигорск, 2008. С. 5.
8. Грабовский Н.Ф. Присоединение Кабарды к России и ее борьба за независимость. Нальчик, 2008. С. 144.
9. Казаков А.В. Адыги (черкесы) на российской военной службе. Воеводы и офицеры. Середина XVI-начало XX в. Нальчик, 2006. С. 108; Зайцев А.М. А.П. Ермолов: военный и политик // История и историки в контексте времени. 2010. № 7. С. 23–35.
10. АКАК. Т. VI. Ч. 2. Тифлис, 1874. С. 466.
11. Там же.
12. Кавказские письма А.П. Ермолова М.С. Воронцову. С. 115.
13. Описание Кабарды 1827 года. Нальчик, 2010. С. 45.
14. Кавказские письма... С. 161.
15. Думанов З.Б. Политика Российской империи в Кабарде: административно-правовые, социальные и экономические аспекты (конец XVIII – первая половина XIX века). Автореферат диссертации... кандидата исторических наук. Майкоп, 2010. С. 18.
16. Кавказские письма... С. 126.
17. АКАК. Т. VI. Ч. 1. Тифлис, 1874. С. 240.
18. Патракова В.Ф. Некоторые вопросы изучения торговой политики России на Северном Кавказе в первой половине XIX века // Проблемы социально-экономической истории и революционного движения на Дону и Северном Кавказе (XIX – нач. XX в.). Отв. редактор В.П. Крикунов. Ростов н/Д, 1992. С. 77.
19. Цит. по: Грабовский Н.Ф. Указ. соч. С. 144.
20. Кавказские письма... С. 129.

Kabarda in A.P. Ermolov's Policy in the Caucasus: Importance and Features

Amiran T. Urushadze

Institute of Social-Economic and Humanitarian Research of Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Russia
41 Chekhova Str., Rostov-on-Don 344006
Junior researcher
E-mail: urushadze@ssc-ras.ru

Abstract. The article considers the place of Kabarda in A.P. Ermolov's policy in the Caucasus, detects methods, features and results of implemented policy.

Keywords: the Caucasus, Kabarda, A.P. Ermolov.

UDC 94 (470.6)
